

ЦВЕТЫ НАЦИИ

Миря Бунд

12+

Мария Юрьевна Гурова

Цветы нации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44159437

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник авторских стихотворений и эссе Марии Гуровой с иллюстрациями Кая Атара. О чем этот сборник? О героях, о войнах, об истории в стихах и эссе. Зачем? «Каждый раз мне было интересно читать, как женщины пишут о войне, но каждый раз у них получалось либо подражание мужчинам, либо сугубо женская кокетливо-чувственная поэзия про пуговицы на шинелях, запахи сигарет и пороха, ввевшиеся в кожу, и в лучшем случае вечное ожидание «синих платочков» на крыльце... Но мне безмерно хотелось иметь пример женского образа на войне, и я выбрала в его качестве “Песнь Валькирий” из “Старшей Эдды”».

Содержание

Мы ткем, мы ткем стяг боевой! {Перевод строки «Vindum, vindum vef Darradar» из «Песни валькирий», из древнеисландского сборника песен «Старшая Эдда».}	7
Цветы нации	12
Пепел над Хиросимой	15
Первые танки на Сомме	19
Мак и гвоздика: цветы наших наций	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Этот сборник посвящается моему отцу, который тайком от мамы сделал для меня, шестилетней, деревянный меч, моей матери, которая первой читает мои стихи, и Маше, которая разделяет со мной восхищение героями и их историями.

И, конечно, он посвящается героям.

«Маша Гурова – медсестра от поэзии. Бодлер рос цветами зла. Маша прорастает военными цветами».

Актер, поэт, режиссер Московского театра поэтов Влад Маленко

«И эта проблема, затронутая в «эссе о том, что у нас получается» тоже отсылает читателя к явлению войны, где каждый делал то, что у него получается, в независимости от того, хочет он этого или нет, потому что для всех тех людей, кто мечтал стать космонавтами, художниками или кем-то ещё в один момент всё равно

всё закончилось».

Литературный проект «ЧАМБЕР»

«Стихи, наполненные глубоким смыслом. Это не рифма ради рифмы и не подражание великим поэтам прошлого в стремлении урвать хоть толику той славы, которая сопровождала мэтров русской поэзии на определенных этапах их творческой жизни. Самобытный стиль, качественный слог, наполненные жизнью образы. Этакая правдивая поэзия. Поэзия без прикрас и гротесков».

Николай Георгиевич Земцов, депутат ГД РФ, Председатель ООД «Бессмертный полк России»

«Кажется, подобная «фатальная установка» присуща человечеству в целом, и в этом кроется глубокая трагедия: «цветы нации», особенно заметно прорастающие на выжженной войной почве, погибают первыми, увы, не только в военное время. Так что отчасти эта книга – тревожный сигнальный огонь в руках молодого поэта, высоко поднятый над

головой, чтобы напомнить: как много вокруг сильных, мужественных, настоящих».

«Литературная газета»

**Мы ткем, мы ткем стяг боевой!
{Перевод строки «Vindum,
vindum vef Darradar» из «Песни
валькирий», из древнеисландского
сборника песен «Старшая Эдда»}.**

«Люди любят узнавать про войну, не испытывая при этом ни малейших неудобств. Они читают про Верден или Сталинград, расположившись в удобном кресле, вытянув ноги к камину и готовясь на следующий день вернуться к обычным занятиям. На самом же деле тебе повезло, если эти события не приходится описывать в письме родным, сидя в грязном окопе. О войне нужно читать, когда перед тобой стоят проблемы. И помнить, что никакие заботы мирного времени не стоят седых волос. Только идиот может волноваться из-за зарплаты. О войне нужно читать во время бессонницы, когда ты чертовски устал, или на рассвете, как пишу я о ней сейчас, после приступа астмы».

Ги Зайер, «Забытый солдат».

О войне я писала всегда, но, видимо, делала это крайне плохо. Серьезные литераторы советовали мне (нет, не заниматься танцами, в целом с поэзией у меня было не так ужас-

но) писать о том, что ближе и является моим личным опытом. Я же свой личный опыт считала довольно скудным. На сегодняшний день у меня успел собраться какой-никакой багаж этого самого опыта. И все же должна признать, что катастроф мне не довелось пережить – только личные трагедии. А они, как известно не делают опыт полноценным. Но Бог с ним, с опытом. Вернемся же к тому, что мне все-таки упорно советовали. Я помню, мне разве что не говорили: «Вы же девушка, Мария!», хотя пару раз нечто подобное в поучительной речи и прозвучало. Так вот, вы должны знать, что я никого из серьезных литераторов тогда не послушала. По этой причине вы сейчас читаете сборник не самого пацифистского содержания, а я ныне получаю комментарии иного характера. В частности, мне любят ставить в пример Владимира Высоцкого, у которого военного опыта было немногим больше моего, но который о войне писал убедительнее бывалых поэтов-фронтовиков. Но я – не Высоцкий. Более того, я еще и женщина, что невольно ставит под сомнение воинственность стихов, которые вам предстоит прочесть.

Одна из немногих причин писать что-либо с осознанной целью (про «не могу не писать» не хочу упоминать, считаю эту фразу пошлостью) – дать читателю то, как ты полагаешь, что не смогли дать ему другие авторы. Каждый раз мне было интересно читать, как женщины пишут о войне, но каждый раз у них получалось либо подражание мужчинам, либо сугубо женская кокетливо-чувственная поэзия про пуго-

вицы на шинелях, запахи сигарет и пороха, вѣевшиеся в кожу, и в лучшем случае вечное ожидание «синих платочков» на крыльце. Так я читала симулякр войны, во многом эстетичный, но по большому счету слишком явный, чтобы полагать, будто он про милитаризм, а не про мужчин и их женщин. Но мне безмерно хотелось иметь пример женского образа на войне, и я выбрала в его качестве «Песнь валькирий» из «Старшей Эдды». Тогда мне казалось, что образы ткацких, типично бытовых женских предметов, собранных из ужасающих военных атрибутов – это то, что является истинным архетипом женщины на войне.

*«Сделаем ткань
из кишок человеческих;
вместо грузил
на станке – черепа,
а перекладины —
копья в крови,
гребень – железный,
стрелы – колки;
будем мечами
ткань подбивать!».*

Но меньшее, чего бы мне хотелось так, чтобы за любым из стихотворений вы видели меня – не важно, женщину, гражданского или просто своего современника. В данной ситуации мне бы хотелось, чтобы вы на меня и не смотрели, а по-

гружались в события, дающие тот самый достойный опыт, доступный немногим (а не тот, что имею я). Проживая такие события, становишься человеком настоящим, героем. Эта книга как раз о них. Для верности хочу уточнить, что само явление войны я, безусловно, прекрасным не считаю. Но я убеждена, что на фоне эпохальных событий раскрываются такие характеры, которые мы годами ищем в мирной жизни. Я нахожу их в заполненном госпитале Хиросимы, на раскученных полях Вердена, под Дебальцево... Меня успокаивает мысль о том, что герои были всегда, что они есть сейчас. И на чьей бы стороне они не находились, вне зависимости от того, одобряете ли вы их деятельность или же порицаете, я уверена, к храбрости, чести и мужеству недопустимо оставаться равнодушным. Если после прочтения сборника вам захочется посетить поле битвы, возложить цветы к памятнику, прочесть биографию офицера или влюбиться в героя, я сочту свою миссию выполненной. Вспоминая «Песню о Соколе» Максима Горького и ее обсуждения с друзьями, я каждый раз думаю о том, какова моя задача. Тогда мы с друзьями в жарком споре делили между собой роли Сокола и Ужа – героя и простого человека, не желающего прощаться с положенным ему комфортом (трудно осуждать за желание жить лучше). Но, помимо двух антиподов, в «Песне» были еще и морские волны, суть которых была в том, чтобы с почестями похоронить Сокола и воспеть его подвиги.

«И грозно волны о берег бились.

*В их львином реве гремела песня о гордой птице,
дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной
песни: «Безумству храбрых поем мы славу.*

*Безумство храбрых – вот мудрость жизни!» {«Песня о
Соколе», Максим Горький. }.*

Я – волны из горьковской «Песни о Соколе» и тем довольна.

Цветы нации

Румяные маки, бледные эдельвейсы.
Почки сакуры, цветущей в Химэдзи.
Сутулые ландыши, долговязые ирисы
В пальцах Офелии с картины Миллеса.
Лохматый ковыль, лопоухий клевер,
Раскрывшийся орденом кавалерии.
Шиповник с юношеским пушком,
Колокольчик, кивающий: “Все хорошо”.
Незабудки в цвет глаз соседской девицы,
Заправлены ею же ровно в петлицу.
Полевые гвоздики, забитые в ящик.
Избраны лучшие из настоящих.
Собраны ране по миру жнецом,
Собраны ныне на поле одном.
Сорваны, чтобы увянуть такими
Красивыми, вереском в Абердине.
Ветки сирени, отвержено падающие
Под сапоги победивших товарищей.
Лютики, в китель укутаны, дремлют,
Перегноем наутро идущие в землю.
Земля сама себя перепашет.
Завернуты в форменную рубашку,
Серпом подкошенные
Из резервации,

Нежные, брошенные
Цветы нации.

Пепел над Хиросимой

Посвящено офицеру японской армии Ли Ву, «последнему принцу Кореи», сражавшемуся всю Вторую Мировую войну в Маньчжурии. Он приехал вместе с медицинским корпусом в Хиросиму вечером 5 августа 1945 года. Через сутки он погиб в госпитале от тяжелого ранения, полученного во время

взрыва атомной бомбы.

Алое солнце восходит над белым пеплом,
Словно стелет узор на замаранном хлопке.
Я вцепился в победу настолько крепко,
Что мог бы топить их флот на рыбацкой лодке.

Гончие Псы мчатся в немой простор –
Тихая, как ваш адъютант, смерть.
Если летать, сквозь солнце, как через костер,
Можно до конца Мировой не долететь.

Но мысли о доме месяцы душу не греют.
Желаете, лейтенант Ву, отправить письмо в Корею?
И если черпает Медведица небо ковшом,
Значит, у принца Кореи все сейчас хорошо.

Только линкоры разбиты, море заволокло,
О пороги истории споткнулся японский флот,
Запутавшись в шелке подола ее, будто ребенок.
Нас учили быть верными с отверженностью и с пеленок.

Маньчжурия – это история про подвиг и про мужчину,
Хиросима – про судьбы и только про
Хиросиму. Я бы в тот вечер вспорол свой живот у родной
реки,
Но мне не хватило меча и всего-то одной руки,

Когда Штаты забросили бомбу в огромный земной

горшок, –

Это “гуманное” семя, и город на нем взошел.

Смотрите, я в пепле, что скоро ляжет на землю,
И алмаз, преломляющий луч через призму своих карат.
Я мальчишка и – умер, а, кажется, будто дремлю.
Это Запад, Восток? Восход или наш закат?

Солнечный диск показался над городом наполовину,
И направил лучи, словно алые рупоры, в мир,
И кричал: “Старик, расскажи всем про
Хиросиму, Не давай залатать этим белым ни одну из
народных дыр!”.

Всколыхнутся и лягут на волосы сединой
Семьдесят лет и пепел из
Хиросимы. И старик доживет свой день, изойдя слюной,
Оттого, что не умер в одной палате с тобой.
Только звезды с погон и кепи сияют, неугасимы,
На портретной фотографии не цветной.

Первые танки на Сомме

Битва при Сомме – одна из крупнейших битв в ходе Первой мировой войны и в мировой истории. В ней погибли 1 000 000 человек. 15 сентября 1916 года, в 5.15 утра на реке Сомма британской армией впервые были применены танки, решившие исход битвы и долгой, кровопролитной войны.

Впервые такая война, что кровь натекла в купель,
В блиндажах крестив солдат, имянарек
Ложь. И дело даже не в том, что кто-то собрал модель,
Вопросов не будет к тем, кто рисовал чертеж.

“Вернётесь на Рождество, – пообещал штабной”.
И первые танки на Сомме давили собою рать.
Подумать, что, пусть такая, дорога ведет домой,
То ехать по ней на чем – каждому наплевать.

Привыкшие к канонадам парни с передовой,
Которым девизом стал “Любой силуэт мишень”,
Решили, если дорога точно ведет домой,
То ехать по черепам не больно ничьей душе.

Сомма три дня ходила приливом на берега.
И годы бросались в ноги, словно они листва.
И сладкое обещание бубнила три дня река: “
Теперь-то вы уже точно вернетесь до Рождества”.

Мак и гвоздика: цветы наших наций

«...Похороните в горах высоко
Под сенью красного цветка!
Пройдет прохожий, цветок увидит
О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!
Пройдет прохожий, цветок увидит
«Красивый, – скажет он, – цветок!»
То будет память о партизане...»

Итальянская народная песня «Bella ciao», исполнявшаяся участниками Сопротивления.

Образ цветов в мировых войнах использовался неоднократно, как в художественных произведениях, так и в реалиях войны. На многих орденах и эмблемах подразделений изображались те или иные цветы. Сочетание прекрасного (цветок) и безобразного (война) вдохновляло многих художников, писателей и кинематографистов. Вероятно, именно в таком парадоксальном союзе двух образов проявляется категория героического. И я расскажу вам о двух символах, распространенных в Первую и Вторую мировые войны.

Если говорить о самом популярном цветке, чей образ связан с образом войны и солдат, безусловно, нельзя забыть о

маке. Красный цвет мака мы подсознательно связываем с концептом крови, власти, силы и агрессии. Но также мак-самосейка официально является символом памяти жертв Первой мировой войны. В 2005 году резолюцией ООН было установлено, что День памяти и примирения будет отмечаться 8 и 9 мая. В то же время, мак используется в качестве символа жертв всех военных и гражданских конфликтов в период с 1914 года. Кроме того, в качестве устоявшегося символа жертв войны красный мак использовали в Украине в 2014 году для комплекса мероприятий, приуроченных к годовщине завершения Второй мировой войны в Европе. Но я хочу рассмотреть историческое происхождение этого символа, а также привести свои аргументы в пользу его актуальности в контексте исключительно Первой мировой войны. Для того чтобы лучше понять, что есть образ мака, стоит рассмотреть его семантику и значение. Жертва в контексте милитаризма по смыслу приравнивается к невинно убитому, то есть гражданскому лицу и нонкомбатанту. В то время как и командование, и солдаты участвуют в войне осознанно, намерение отправиться на войну и действовать по ее правилам появляется вследствие принятия волевого решения. Человечество к 1939 году уже имело опыт мировой войны, и каждый боец, отправляющийся на фронт, осознавал, куда и зачем он идет. Однако убеждена, что Первая мировая война являла собой исключение. Следует отметить, что до 1914 года подобной войны мир не знал. В первые меся-

цы она прогнозировалась, как легкая и быстрая. Но на практике человечество столкнулось с непредсказуемой катастрофой. Тем не менее, это была последняя война, когда молодые люди отправлялись на фронт, воодушевленные традиционными ценностями, восхищенные рыцарями прошлого и эпическими героями, а на практике получали психологические травмы и горький опыт. Именно это несоответствие реальности ожиданиям явилось причиной для многочисленных психологических потерь, массового посттравматического стрессового расстройства и появления такого культурного явления, как «Потерянное поколение». Поэтому солдаты Первой мировой войны, возможно, единственные, кого можно назвать жертвами среди военных.

Рассмотрим, кто впервые использовал образ красного мака в выше описанном контексте в Первую мировую. Считается, что зарождению образа поспособствовал канадский поэт и военно-полевой хирург подполковник Джон Маккрей. В культовом стихотворении «На полях Фландрии», написанном в 1915 году им на смерть друга, упоминается красный мак:

*«На полях Фландрии колышутся маки
Среди крестов, за рядом ряд».*

Безусловно, красный мак, выросший на могилах павших воинов, упоминался и до Маккрея. Но во Фландрии, как и

во многих других местах боев, где также мало гумуса в глинистой земле, после военных действий изменился верхний слой почвы. И в связи с этим на полях начинали расти дикие маки-самосейки. Это природное явление само по себе кажется символичным и поэтичным. Но символом жертв Первой мировой войны красный мак делает американский профессор Мойна Майкл, вдохновившись стихотворением Джона Маккрея, по которому она написала свое произведение «Мы сохраним веру», где она называет цветок «факелом», что выжившие приняли из рук погибших, и несут этот цветок в память о героях:

*«А теперь Факел и Красный мак
Мы несем в честь павших».*

Она пишет «Красный мак» с заглавной буквы, тем самым давая понять читателю, что теперь этот образ является именем нарицательным. Именно Майкл добивалась того, чтобы красный мак был принят в качестве официального символа памяти Американского легиона. Наконец, после конвенции 1920 года красный мак все-таки принимают в качестве символа памяти сначала в Америке, потом в Канаде, а после в Великобритании, Южной Африке и Новой Зеландии. Сегодня художники чаще всего изображают на белом фоне черные силуэты солдат с красными маками у ног, стремясь показать образ Первой мировой войны. Если вам не лень,

попробуйте найти редкие работы Жаклин Херли из серии «Воспоминания о Великой войне» – «Для матери и ее мальчиков, маки цветут» и «Для героев и лошадей, маки цветут». Уверена, вы испытаете такой же восторг, как и я.

В настоящий момент в мировой культуре не существует цветка, образно связанного исключительно со Второй мировой войной. Однако в России и на постсоветском пространстве символом победы в Великой Отечественной войне наравне с георгиевской лентой и Знаменем Победы принято считать красную гвоздику. Причина выбора этого цветка нигде не аргументирована. Поэтому пытаюсь понять эту причину, я начала с самого образа гвоздики в мировой культуре. Красная гвоздика у разных народов олицетворяет честь, свободу, верность и любовь, но одно из ее значений – кровопролитие. Один древнегреческий миф объясняет происхождение гвоздики следующим образом: после неудачной охоты богиня Артемида встретила на своем пути пастуха, играющего на свирели, и обвинила его в том, что он своей музыкой распугал всю ее добычу. В гневе богиня ослепила пастуха, но позже раскаялась и не выдержала вида вырванных глаз. Артемида бросила их на землю, откуда произросли две гвоздики в цвет невинно пролитой крови. Образ красной гвоздики был очень популярен во Франции в эпоху Великой революции: тогда сторонники короля надевали ленточную гвоздику или настоящий цветок, как орден, когда шли на эшафот. Во время наполеоновских войн девушки дарили солдатам гвоз-

дики как талисман, символизирующий скорую победу и отвагу.

Наполеон Бонапарт в 1802 году выбрал для ленты ордена Почетного легиона цвет гвоздики. Можно сделать вывод, что образ гвоздики всегда ассоциируется с пролитой кровью. Но стоит отметить, что гвоздика – не только символ оплакивания павших, но в большей мере образ, олицетворяющий дань победе и героическому подвигу. Рассуждая о том, кем и почему выбран образ именно гвоздики, я обратилась к разумным доводам. Так может, нет никакого мифического происхождения традиции дарения этого цветка на День Победы, только рациональное и приземленное объяснение? Вот, например, цвет – красный – цвет Знамени, коммунизма, РККА. Цветок неприхотливый для выращивания и, как следствие, имеет невысокую цену. Нередко образ гвоздики напоминает об Октябрьской революции (революционеры носили именно этот цветок), поскольку и немецкие социал-демократы выбрали гвоздику в качестве праздничного атрибута Дня труда, 1 мая. Попытка сделать гвоздику символом русской и советской воинской славы в Первую мировую не увенчалась успехом. Так, 2 сентября 1918 года на заседании ВЦИК, была создана комиссия для составления проекта индивидуальных наградных знаков для Красной Армии, поскольку декрет «Об уравнивании всех служащих в правах» от 15 декабря 1917 года отменял все ордена и прочие знаки отличия. Вместо них отличившимся вручались именные часы, портсигары

и револьверы. РККА было остро необходимо создание собственных наград, поэтому комиссия вынесла на рассмотрение два варианта – орден «Красное знамя» и орден «Красная гвоздика». 14 сентября 1918 года был утвержден первый вариант. В 1943 году в стихотворении «Слепец» Константина Симонова встречается упоминание гвоздики, но в совершенно ином контексте:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.